

Пятница 9-го Мая 1914 г.

Обозръніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто съ пѣтербургскихъ театровъ

„Дядя Ваня“ въ Лондонѣ.

На-дняхъ въ Лондонѣ впервые была поставлена пьеса А. П. Чехова «Дядя Ваня».

Спектакль въ общемъ показалъ полное непониманіе Чехова англійскими исполнителями.

Астрова, появившійся въ желтыхъ башмакахъ, съ подвернутыми модными панталонами, декламировала «съ оттяжкой»: «Русскіе дѣла трещать подъ топоромъ, гибнуть миллиарды деревень» и т. д. Выходило такъ, будто онъ рычитъ: «Ступай, душа, во адъ, цѣ будь во вѣки лѣзьяна!» Зрители такъ и не поняли, почему Астрова считаютъ интереснымъ, умнымъ и талантливымъ. Въ-дѣствіе декламации «съ оттяжкой» пропали безслѣдно классическія фразы, въ томъ числѣ и замѣчаніе передъ картой Африки. Получилась какая-то бессмыслица. Профессоръ появился въ великолѣпныхъ бакенбардахъ, какъ старый дворецкій въ барскомъ помѣ. Характеръ «ученой воблы», бездарный, завистливый, ревнивый, эгоистичный, самовлюбленный, толкующій про свою «непрактичность» и отлично умѣющий обдѣлывать денежныя дѣла словомъ, россійскій профессоръ, толкующійся симпатіями начальства, — совершенно не былъ переданъ. Къ тому же англійскій переводъ пьесы сдѣланъ очень плохо. Трудно, конечно, передать такія красочныя опретѣленія, какъ «ученая вобла» (въ переводѣ всоуду «old fossil», т. е. ископаемая), или слова Маринны: «Ноги такъ и гудутъ! Такъ и гудутъ!» Многія красочныя фразы, съ которыми повѣстному переводчику не справился, просто выпустилъ (нѣтъ, напиримѣръ, характерной фразы Маринны: «Давно я, грѣшница, лашки не ла»). Это, конечно, плохо, но еще хуже то, что переводчикъ, повѣстному, считаетъ, что «Батюшковъ», это — названіе русской энциклопедіи. Профессоръ такъ и говоритъ жентъ: «Принесъ мнѣ томъ энциклопедіи Батюшкова». «Мнѣ спилось, что мнѣ отрезати ногу», — говоритъ Серебряковъ (вмѣсто: «Мнѣ спилось, будто у меня лѣвая нога

чужая»). Въсто «Она меня заговорить» профессоръ кричитъ: «Я не могу говорить съ нимъ». Войницкая, «читающая брошюры и признающая профессора гениемъ», вышла очень респектабельной, почтенной, сѣдоловой англійской «лэди». Но хуже всѣхъ была Елена Андреевна. Въ англійскихъ мелодрамахъ женскія лица дѣлятся на «good characters» и на «bad characters». Первые надо играть въ русомъ парикѣ и въ свѣтломъ платьѣ, а вторыя— въ черномъ парикѣ и въ черномъ или ярко-красномъ платьѣ. Актриса, играющая good character, закатываетъ глаза, и говоритъ трогательно, сладко, ангельски. Когда изображаютъ bad character, надо сверкать глазами, кусать губы, и не говорить, а пускать шипъ по змѣиному». Ну, такъ вотъ г-жа Эфимте Ласедлессъ, игравшая Елену Андреевну, такъ до паденія занавѣса и не рѣшила, кого она изображаетъ: «good character» или bad character». Артистка то декламировала «ангельскимъ» голосомъ, то принималась «шипѣть», и взвизгивать трагически. Лучше всѣхъ были «Дядя Ваня» и «приглазвалъ» Телѣгинъ. Пьеса была такъ плохо поставлена и такъ скверно сыграна, что, кажется, ничего не сказала публикѣ.